Хамелеонъ.

Верстахъ въ 20 отъ уѣзднаго города, среди громаднаго лѣса, на одномъ изъ береговъ небольшой рѣчки уютно расположился небольшой хуторокъ, весь утопающій въ зелени. За хуторомъ, въ разстояніи двухъ верстъ отъ него, лежитъ распашная земля хуторянъ. Только въ эту сторону отъ хутора до поля лѣсъ тянется на такое сравнительно небольшое разстояніе, во всѣ же другія стороны лѣсу кажется и края нѣтъ. Въ лѣсу водится много зайцевъ, лисицъ и волковъ. Изъ птицъ попадаются изрѣдка тетеревъ косачъ, много сѣрыхъ куропатокъ, а пролетомъ бываетъ много вальдшнеповъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что и эти послѣдніе водятся въ этихъ мѣстахъ. Хуторянамъ жить здѣсь привольно; всего вдоволь, земля плодородна и заработокъ есть постоянный. Между обитателями хутора немало охотниковъ-промышленниковъ. Вотъ на двухъ изъ нихъ мы и остановимъ наше вниманіе.

Первый, Иванъ — лѣтъ 35, высокаго роста, брюнетъ, суроваго, крѣпкаго тѣлосложенія, довольно красивой наружности, съ окладистой бородкой. На верхней губѣ небольшая острая длинненькая родинка. Если Иванъ молчитъ, эта родинка не нарушаетъ гармоніи лица, но какъ только Иванъ заговоритъ, тотчасъ родинка начинаетъ какъ-то подпрыгивать и лицо его дѣлается менѣе красиво. Иванъ очень веселаго и сообщительнаго нрава; честный, трудолюбивый, неглупый и смышленый мужичокъ. Иванъ превосходно стрѣляетъ. У него есть легавая, гончая собаки и ружье двустволка. У него замѣчательное зрѣніе: зайца онъ можетъ подозрить на лёжкѣ зимой по первой порошѣ,

когда еще зайцы, не освоившись съ зимнимъ покровомъ и боясь по немъ ступить, цѣлый день, а иногда два дня подъ-рядъ лежатъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Иванъ въ продолженіи осени и зимы много бьетъ и продаетъ зайцевъ. Иванъ по профессіи столяръ, но не бросаетъ своей земли и тщательно ее обработываетъ. Онъ женатъ, имѣетъ дѣтей, и съ своимъ семействомъ, благодаря охотѣ и другимъ занятіямъ, живетъ въ довольствѣ.

Теперь перейдемъ къ другому охотнику. Его зовутъ въ хуторѣ только по батюшкѣ—Ильичемъ. Собственнаго же его имени я никогда не слыхалъ, да врядъ-ли его кто знаетъ изъ хуторянъ. Ильичъ только недавно поселился въ хуторѣ и не былъ еще принятъ въ общество и приписанъ къ хутору. Но величаніе по батюшкѣ, хотя и безъ собственнаго имени, можетъ все-таки служить указаніемъ, что между хуторянами личность эта заслужила почему-нибудь такого уваженія. И дѣйствительно, личность эта заслужить такое уваженіе могла потому, что Ильичъ былъ коноваломъ. А какъ крестьяне нуждаются въ коновалахъ—это всякій знаетъ, прожившій нѣкоторое время въ деревнѣ или въ хуторѣ. Ильичъ къ тому-же былъ еще порядочнымъ коноваломъ, благодаря нѣкоторымъ познаніямъ изъ ветеринаріи. Несомнѣнно, онъ часто оказывалъ большую услугу и помощь крестьянамъ, излѣчивъ у одного лошадь, у другого корову и проч. Ильичъ еще очень молодъ: ему не болѣе 30 лѣтъ. Роста онъ невысокаго, съ непропорціональнымъ тѣлосложеніемъ, съ очень длинными руками и ногами, съ отдавшимися назадъ плечами и съ наклоненной напередъ небольшой головкой, сидящей на длинной изогнутой, какъ сучокъ, шеѣ. У него непріятно-мутные глаза, продолговатое личико и странная походка, при которой ноги то и дѣло какъ-то ненормально подымаются высоко вверхъ, такъ что судя по такимъ движеніямъ кажется, что Ильичъ постоянно лѣзетъ по лѣстницѣ или взбирается по дереву; такія странныя движенія всего корпуса всегда заставляли меня видѣть въ Ильичѣ не Ильича коновала, а видѣннаго мною гдѣ-то и когда-то взлѣзающаго на дерево хамелеона; до того было поразительно

это сходство. Ильичъ былъ вдовецъ; дѣтей послѣ жены не осталось. Не имѣя собственной хаты, Ильичъ жилъ на квартирѣ. Нравственныя качества Ильича весьма сомнительны. Ильичъ также страстный охотникъ. Имѣетъ и легавую и гончихъ собакъ, и двухстволку. Стрѣляетъ посредственно.

Иванъ и Ильичъ — эти двѣ противоположности, эти двѣ параллельныя линіи, никогда вмѣстѣ не сходящіяся— вдругъ сошлись, подружились; начали вмѣстѣ вести хлѣбъ-соль и вмѣстѣ охотиться. Всѣ возникавшія недоразумѣнія на охотѣ у нихъ быстро улаживались, причемъ Хамелеонъ большей частью былъ въ выигрышѣ, а Иванъ въ проигрышѣ. И все это случалось не потому, чтобъ Иванъ былъ глупѣе Хамелеона и потому попадался въ просакъ,—нѣтъ, Иванъ былъ умнѣе Хамелеона, хотя послѣдній, благодаря нѣкоторымъ знаніямъ по ветеринаріи и пріобрѣтенному лоску, на первый взглядъ казался умнѣй. Иванъ хорошо сознавалъ свои проигрыши, но не хотѣлъ вступать въ споры по своему миролюбивому характеру, потому и возникшее недоразумѣніе относительно дѣлежа убитаго на охотѣ Иваномъ и Хамелеономъ звѣря, разрѣшено было такъ: сколько-бъ кто въ продолженіи дня охоты ни убилъ звѣря, весь звѣрь подлежалъ дѣлежу на двѣ части. Рѣшеніе это было принято на томъ основаніи, что гончихъ собакъ было поровну у каждаго, причемъ нисколько не принимались въ разсчетъ ловкость самого охотника и его смѣтливость. Хамелеонъ всегда убивалъ менѣе Ивана, а потому при дѣлежѣ звѣря онъ-же всегда былъ въ выигрышѣ. Иванъ сознавалъ всю несправедливость такого дѣлежа, но съ грустью подчинялся.

Хамелеонъ хотѣлъ было установить такое же правило при охотѣ на птицъ. Но къ счастью для Ивана, при установленіи этого правила между ними появилось третье лицо, весьма авторитетное въ здѣшнемъ крестьянскомъ охотничьемъ мірѣ. Это былъ Степановичъ, поваръ, почтенной наружности лѣтъ 50 старикъ, бывшій крѣпостной человѣкъ, большой грамотѣй, любившій всегда хвастнуть своимъ краснорѣчіемъ, страстный охотникъ и прекрасный дрессировщикъ легавыхъ собакъ.

— Этому не бывать, сказалъ онъ строго. Къ примѣру, чтобъ я сталъ-бы такихъ благородныхъ птицъ по качествамъ дупелей къ дѣленію производить, или къ примѣру вальдшнеповъ, или по качествамъ куропатокъ. Вѣдь я самъ застрѣлилъ этихъ птицъ, а никто другой, и потому что я самъ, а не кто другой руководительствовать въ одно мгновенности ока моимъ ружьемъ могу, при возданіи моей вліятельности на кобеля, въ развитіи находчивости его чутья къ стремительной и длительной стойкѣ съ небольшими междометіями, чтобъ въ мѣстоимѣніяхъ не пугать птицу. Ты ему, Иванъ, это для пониманія вотъ такихъ моихъ убѣжденій и значитъ, къ примѣру, для вразумленія съ этакимъ отношеніемъ въ твоемъ заявленіи и на лбу ему запиши!“

Такимъ образомъ хамелеоновскій проэктъ закона былъ отвергнутъ во всей его цѣлости.

Но это обстоятельство нисколько не помѣшало дружбѣ. Друзья часто отправлялись на охоту вмѣстѣ, гдѣ въ ожиданіи гона собакъ, идя вмѣстѣ по дорожкѣ въ лѣсу, изрѣдка покрикивая и потрубливая собакамъ, дружно бесѣдовали о различныхъ предметахъ, но большей частью темой для разговора служило знаніе Хамелеона.

— Вотъ эту видишь, Иванъ, траву! Это дрокъ! а по латыни гинистая тинкторія Эту траву можно давать собакамъ противъ бѣшенства.

— Слышалъ и я,—отвѣчаетъ Иванъ, что дрокъ помогаетъ. Это надо когда-нибудь ее собрать.

— Теперь она негодится. Идутъ въ лекарство только одни цвѣты.

— Ишъ ты! Одни цвѣты! Такъ я и буду знать.

— А вотъ, Иванъ, у твоей собаки хватка.

— Гдѣ?

— На шеѣ!

— Правда! надо деготькомъ помазать.

— Нѣтъ, не деготькомъ. А очень пользительна въ этихъ случаяхъ карболовая кислота въ легкомъ растворѣ. Ухъ, да ядовита же она!

— Ядовита?

иду по улицѣ, да увижу, что какая-нибудь собака на меня не такъ глядитъ, такъ я ей сейчасъ и подсыплю. Гончія и тѣ отъ меня не уходятъ!

— Ну, а гончихъ зачѣмъ же?

— А для того, чтобъ ихъ поменьше было. А то проклятыхъ въ городѣ вонъ сколько поразвели. А все для того чтобъ звѣря душить, а намъ съ тобой черезъ нихъ и застрѣлить ничего не придется.—Хамелеонъ усмѣхнулся.—

— Такъ вотъ я частенько, какъ только увижу хорошенькую собачку или щеночка, изъ котораго толкъ выйдетъ, такъ имъ сейчасъ и подсыплю.

— Нѣтъ, Ильичъ, ужъ я этимъ заниматься никогда не буду. Ненадо мнѣ твоего яда. И дивлюсь я право Ильичъ, какъ это у тебя духу только хватаетъ такія пакости дѣлать?

— Стой, Иванъ! А вѣдь это Докучай погналъ?

— И то онъ! онъ! онъ! къ нему! къ нему!

— Къ нему! къ нему! подхватилъ Ильичъ и разошлись друзья въ разныя стороны.

— Прошелъ годъ, прошелъ другой — друзья не ссорились. На хуторѣ ихъ называли закадачными пріятелями. Мнѣ часто разсказывали о ихъ дружбѣ, прибавляя, что ужъ если такіе друзья какъ Иванъ и Ильичъ когда-нибудь поссорятся, то тогда стало быть на свѣтѣ вовсе нѣтъ дружбы, а ее люди выдумали. Слушая такія рѣчи, я только улыбался, думая про себя: нѣтъ, такія двѣ противоположныя личности долго друзьями быть не могутъ: Хамелеонъ скоро начнетъ Ивану показывать свой другой цвѣтъ, который онъ ужъ не разъ показывалъ другимъ. Ихъ дружба не была основана на взаимной довѣрчивости и взаимныхъ уступкахъ. Нѣтъ, такая дружба долго продлиться не можетъ: годъ, два, ну три—не больше! До перваго случая, рѣшилъ я.—И вотъ этотъ случай представился скоро.

Девятилѣтній мальчикъ, сынъ Ивана, былъ посланъ въ городъ купить дегтю и соли. На дорогѣ онъ обогналъ Хамелеона, шедшаго пѣшкомъ съ тросточкой въ одной рукѣ, а въ другой—онъ держалъ порядочной величины узелокъ.

— Это ты, Сережа?

— Я, Ильичъ! Здравствуйте!

Сережа снялъ шапку и поклонился Ильичу.

— Куда это тебя Богъ несетъ? спросилъ Хамелеонъ.

— Въ городъ, Ильичъ! Мать послала купить дегтю и соли. А вы куда это собрались, Ильичъ?

— Да я тоже было въ городъ... Вотъ, сказалъ онъ, показывая на узелокъ, купилъ я себѣ у разнозчика вчера десять аршинъ сукна. Хочу себѣ заказать въ городѣ ватное пальто, да всю суконную пару. Эхъ, Сережа, да и некогда мнѣ, признаться тебѣ, идти въ городъ! Нынче по закону мнѣ слѣдуетъ здѣсь быть безпремѣнно.

И Ильичъ задумался о томъ, что у Яшки Трифонова, нынче онъ одного жеребенка склалъ да у Митьки Волкова цѣлыхъ трехъ. При нихъ мнѣ слѣдуетъ быть безотлучно, рѣшилъ онъ; избави Богъ что случится, вѣдь мнѣ быть за нихъ въ большомъ отвѣтѣ.

— И отложить никакъ нельзя, сказалъ онъ обращаясь къ Сережѣ. – Вѣдь вотъ скóро наступитъ нашъ престольный праздникъ, а я ишь какъ обтрепался, говорилъ коновалъ указывая на свою одежду.

А завтра и послѣ завтра, думалъ онъ про себя, предвидится работа: барышники лошадей погонятъ черезъ хуторъ. У нихъ много жеребцовъ легчать надо. Заработокъ будетъ хорошій; а отлучись я завтра—угонятъ: — дожидать не станутъ.

— Знаешь, Сережа!—сказалъ онъ – уважь дружище! Возьми-ка ты этотъ узелокъ, да вотъ еще пять рублей денегъ, и свези-ка ты все это въ городъ къ портному Ѳедоткѣ Муравью. Ты его вѣдь знаешь?

— Какъ не знать! Знаю! Какъ разъ противъ кабака!

— Ну такъ вотъ ты ему отдай этотъ узелокъ и скажи только отъ Ильича, а онъ самъ знаетъ, что надо дѣлать, а пять рублей, скажи ему, Ильичъ посылаетъ на прикладъ и вату. Ты, я знаю, малый ловкій и не потеряешь!

— Вотъ тебѣ разъ! чего терять! Давай сюда!

Сережа взялъ узелокъ, положилъ его въ телѣгу, далъ хорошаго кнута каурой кобылкѣ и покатилъ дальше, а Хамелеонъ спокойно возвратился въ хуторъ.

Сентябрь мѣсяцъ шелъ къ концу. Ночные морозы на деревьяхъ повызолотили ужъ листья. Въ лѣсу подъ ногами ужъ зашумѣли опавшіе листья. Зайцы стали въ лѣсу лежать не такъ крѣпко; гончія стали чаще ихъ находить. Но гону хорошаго не было.

— Непремѣнно надо дождика! говорилъ Иванъ. Никакъ нельзя хорошо гонять; потому сухой листъ мѣшаетъ, а вотъ какъ прибьетъ его дождикъ, тогда совсѣмъ другая гоньба будетъ.

— Вотъ, наконецъ, заморосилъ и дождикъ. Сначала робко, какъ черезъ ситечко, а тамъ немного посмѣлѣй, какъ черезъ рѣшето, а черезъ часъ ужъ совсѣмъ смѣло, какъ изъ ведра.

Иванъ вышелъ на крыльцо посмотрѣть какая назавтра будетъ погода, да кстати поглядѣть на дорогу, не ѣдетъ ли его сынокъ Сережа, долгая отлучка котораго еще при такой ненастной погодѣ стала безпокоить Ивана и его жену, Прасковью.

За Иваномъ на крыльцо вышелъ ужъ намъ знакомый Степановичъ, который по случаю дурной погоды, рано возвратясь съ охоты, вмѣстѣ съ своимъ „Трезоромъ“, зашелъ къ Ивану погуторить.

Конечно, во время бесѣды больше говорилъ самъ Степановичъ, такъ какъ при первомъ желаніи Ивана говорить что-нибудь, Степановичъ возвышалъ какъ можно сильнѣй свой голосъ, заглушая рѣчь Ивана.

Предметомъ для бесѣды само-собой разумѣется была охота. Степановичъ въ сотый разъ разсказывалъ, какъ онъ „съ своимъ бариномъ, царство ему небесное, ѣздилъ стрѣлять дупелей въ Кіевскую губернію. Какъ много ихъ тамъ убивали, клали въ боченки, мариновали, и потомъ баринъ его, царство ему небесное, этихъ благородныхъ птицъ по качеству дупелей въ маринованомъ видѣ бралъ съ собой въ Петербургъ.“

Погода стала разгуливаться. Изъ-за тучъ показалось солнце. Но до вечера оставалось не болѣе полчаса.

— Вотъ гоньба, такъ гоньба будетъ завтра! Мы съ Ильичемъ все ждали дождика и еще охоты съ гончими почти

не начинали, говорилъ Иванъ.—А что Степановичъ будетъ на завтра погода?

— По ясной способности въ заходительномъ существованіи солнца можно предъувѣдомленіе сдѣлать въ благопріятности на завтрашній день. Календарь такое же предъявительство на завтра дѣлаетъ.

Послышалось приближеніе телѣги. Иванъ обратилъ свое вниманіе на дорогу. По ней медленно ѣхалъ его сынокъ Сережа. Иванъ былъ удивленъ такой медленной ѣздой своего сына. Обыкновенно Сережа любилъ лихо, по-молодецки подкатить къ хатѣ.

„Это что-то неладно!“ подумалъ Иванъ.

Телѣга подъѣхала къ крыльцу. Но еще издали Иванъ и Степановичъ были поражены страннымъ видомъ Сережи: безъ шапки, съ растрепанными волосами, весь мокрый, въ грязи, сидѣлъ бѣдный малютка.

При видѣ отца Сережа разрыдался.

— Что съ тобой сталось, съ испугомъ спрашивалъ отецъ? Да говори-же что съ тобой сталось? Обидѣлъ кто? Прибилъ? Ну говори! Да говори же! Лошадь можетъ хотѣли отнять? А? лошадь? Да говори-же!

Сережа продолжалъ рыдать, ничего не отвѣчая.

Вышла изъ хаты и мать. Сережа при видѣ матери еще хуже разрыдался.

— Что съ тобой сталось, дитятко мое? Что съ тобой сталось, скажи милый мой! скажи, дорогой! Скажи соколикъ ты мой!“

Сережа все продолжалъ рыдать. Наконецъ, собравшись съ силой крикнулъ.

По..по...потерялъ! Потерялъ!

— Что потерялъ?

Но Сережа опять разразился такими рыданіями, что узнать отъ него что-нибудь было невозможно.

— Иванъ, и ты его благовѣрная! заговорилъ Степановичъ, что-же это вы такую медлительность въ вашей обстоятельности сохраняете! Берите это младенчество и ускорительно несите въ хату. А когда оно взойдетъ въ чувствіе, то намъ медлительно все излагательное выясненіе сдѣлаетъ.

Иванъ съ женой увели Сережу въ хату, а Степановича попросили убрать лошадь.

Успокоившись, Сережа разсказалъ объ извѣстномъ намъ данномъ ему порученіи къ портному, разсказалъ, какъ онъ только пріѣхавши въ самый городъ замѣтилъ, что узелка вмѣстѣ съ пятью въ немъ рублями не было въ телѣгѣ.

— Ужъ я его, говорилъ, плача Сережа, искалъ, искалъ! У всѣхъ пыталъ... Никто не видалъ!.. Должно въ самомъ городѣ обронилъ, либо изъ телѣги украли... И соли не купилъ, и дегтю не купилъ!

Въ дверяхъ показался Степановичъ, а за нимъ Хамелеонъ.

— Прости, Ильичъ, обратился къ нему Иванъ взволнованнымъ голосомъ. Хоть не я провинился передъ тобой, а прошу тебя смилуйся, прости!

Хамелеону достаточно было одного взгляда на мальчика, чтобы понять все. Онъ сдѣлался отъ злости желтый, какъ пчелиный неочищенный воскъ или какъ та желтая глина, которой бабы на стѣнахъ въ своихъ хатахъ мажутъ карнизы. Онъ понялъ также о чемъ его просятъ, но отъ злости долго не могъ ничего сказать.

— Иш!.. Ишь какіе!.. Ишь вы какіе! запищалъ наконецъ онъ, замотавъ своей маленькой головкой. Ишь чего захотѣли! 25 рублей стоитъ сукно, а вмѣстѣ съ тѣми пятью рублями, что я далъ на прикладъ, выходитъ всего денегъ твой мальчишка потерялъ 30 рублей. Ишь! ишь! ишь вы какіе! Прости! Нѣтъ ты заплатишь мнѣ эти деньги, Иванъ! А не заплатишь въ судъ подамъ, нужды нѣтъ, что потерялъ не ты, а въ отвѣтѣ будешь ты, Иванъ!

Степановичъ началъ понимать въ чемъ тутъ дѣло, но все-таки попросилъ подробно ему разсказать все.

— А позвольте, сказалъ онъ, туманное затмѣніе къ разъясненію привести.

— Ему все разсказали съ начала до конца

— Ничего, сказалъ онъ, послѣ размышленія, ты въ правильности форменной будешь, если платительнаго дѣйствія Ильичу не окажешь; потому не ты, а младенство

дѣятельность въ преступности тутъ имѣло. А если разсудительство мое окажется невѣрно, то къ законной резолюціи подчиняемость надо имѣть и смиряемость власти оказывать.

Хамелеонъ, выслушавъ Степаныча, взялъ шапку и вышелъ изъ хаты. Но домой не пошелъ, а усѣлся на заваленку. Сдѣланное Степановичемъ замѣчаніе о „младенствѣ“ заставило задуматься Хамелеона.

— А что какъ въ самомъ дѣлѣ судъ не рѣшитъ въ его, Ильича, пользу? Что дѣлать тогда?.. Тогда?.. Я знаю что сдѣлать тогда!—завизжалъ онъ злобно.

Степановичъ, простясь съ хозяевами, „взялъ направленіе домой въ шествіи“, говоря его словами.

Хамелеонъ, увидѣвъ выходящаго Степановича, спрятался за угломъ хаты. Когда скрылся Степановичъ изъ глазъ, Хамелеонъ опять вошелъ въ хату къ Ивану.

Иванъ сначала страшно былъ сердитъ на своего сына, но по прошествіи нѣкотораго времени Сережа ужъ сидѣлъ за столомъ въ чистенькой рубашечкѣ и кушалъ борщъ съ кашей.—Мать въ задумчивости стояла около стѣны, смотря на сына, а Иванъ сидѣлъ на скамейкѣ около дверей, опустивъ голову.

— Такъ ты не хочешь мириться,—сказалъ вошедшій въ хату Хамелеонъ.

— Да я съ тобой и не ссорился.

— Не ссорился, а тридцати рублей мнѣ платить не хочешь!

— Платить тебѣ я ничего не буду, потому Сережа потерю учинилъ по своему малолѣтству, а ты самъ виноватъ, что ребенку далъ такое поручительство.

— Такъ ты не заплатишь?

— Говорю тебѣ не заплачу, потому по Божьему я не виноватъ.

— Такъ не заплатишь?—спросилъ опять Хамелеонъ, дѣлаясь желтымъ какъ глина.

— Не заплачу!

Хамелеонъ заскрежеталъ зубами, сѣлъ на лавку и отвернулся отъ Ивана. Молчаніе продолжалось недолго.

— Слушай, — сказалъ Хамелеонъ Ивану, — сколько-бъ ты взялъ за твоего Докучая?

Докучай была одна изъ рѣдкихъ гончихъ собакъ по своимъ достоинствамъ. Въ то время, въ которое идетъ этотъ разсказъ, у Ивана остался только онъ одинъ, такъ какъ другія двѣ, гончая и легавая, пали отъ чумы; у Хамелеона пала отъ чумы только одна легавая собака, гончія же всѣ три остались живы.

— За Докучая? Ничего! Онъ непродажный!

— Непродажный?.. А-а-а!. Стало-быть тебѣ его жалко! — прошипѣлъ Хамелеонъ. — Гмъ!.. А судиться все-таки съ тобой буду! — Онъ вышелъ изъ хаты.

По уходѣ Хамелеона, Иванъ съ женой сѣли ужинать. Мужъ и жена почти ничего не ѣли. Послѣ ужина Иванъ сейчасъ же легъ на лавку, а за нимъ, покопавшись около печки и потушивъ огонь, улеглась и Прасковья. Сережа давно уже спалъ.

Иванъ никакъ не могъ заснуть. Происшествіе съ Сережей и ссора съ Ильичемъ какъ тяжелое бремя давило его. Въ головѣ чувствовалась какая-то тяжесть, въ груди что-то непріятно ныло.

— Заплатить тридцать рублей! — думалъ онъ. — За что? Чѣмъ я тутъ причиной? Да и гдѣ мнѣ ихъ взять?.. Нѣтъ, не заплачу я ему!.. А какъ судъ велитъ?.. Ну, велитъ, такъ заработывать буду и по маленьку заплачу!.. Суду всякъ долженъ покоряться... „Смиряемость власти оказывать“ — припомнилъ онъ слова Степановича. — А все-жъ жаль, зачѣмъ это все приключилось, — думалъ Иванъ. — Опять охотились бы вмѣстѣ... Эту осень для меня было-бы охотиться съ Ильичемъ сходнѣе. Вѣдь у Ильича всѣ три собаки остались живы, а у меня остался только одинъ Докучай... Да нѣтъ, насчетъ дѣлежа звѣря Ильичъ придумалъ бы что-нибудь другое... А не слѣдовало бы ему такъ обижать меня... Вѣдь всѣ его собаки одной лапы моего Докучая не стоятъ... Правда, его Зябликъ собака хороша, но Докучаю онъ въ подметки не годится... Вѣдь Докучай — верхочутъ!.. Кто первый отзовется? — Докучай!.. Кто первый направитъ какъ сколятся всѣ собаки? — Опять

Докучай!.. А гонъ какой? Заяцъ-ли, лисица-ли, волкъ-ли—всѣмъ честь одна: прётъ во весь скокъ, ажъ лѣсъ трещитъ!,. А поискъ? Ни одного кустика не пропуститъ, все обнюшитъ!.. И все рысью или скокомъ!.. И устали нѣтъ, хоть снѣгъ по колѣна, хоть холодъ, что носъ отморозишь!.. И всегда такой веселый! А про голосъ и говорить нечего: такого голоса нигдѣ не услышишь! Я его изъ тысячи собакъ отличу! Ахъ, Докучайчикъ ты мой милый! У, Докучаюшка, ты мой золотой!.. Продать тебя? . Какъ бы да не такъ!..—А зачѣмъ это Ильичъ спросилъ, сколько-бъ я за Докучая взялъ?.. Гм... Зачѣмъ это онъ спросилъ?.. И еще прибавилъ: стало-быть тебѣ его жаль?

Ивану стали казаться послѣднія слова Ильича подозрительны. Онъ сталъ вдумываться въ таинственный смыслъ ихъ, припоминая лицо Хамелеона,

Вдругъ Иванъ съ крикомъ вскочилъ съ лавки.

— Отравить хочетъ! отравить! отравить! Проклятый отравить хочетъ!

— Что съ тобой!—спросила проснувшись съ испугомъ Прасковья. Не во снѣ ли ты?

— Не во снѣ!.. нѣтъ... Ильичъ отравить хочетъ! отравить хочетъ! Понимаешь-ли ты отравить Докучая!..

— Да кто тебѣ это сказалъ?

— Да ужъ это я знаю, навѣрняка отравитъ! Ахъ, Господи! ядъ такой, видишь ты, есть... какъ его?,. стриг... стриг... стриги насъ, чтоль?

И Иванъ разсказалъ на чемъ онъ основывалъ свои опасенія.

— Вотъ теперь такъ стригнетъ онъ насъ! Вотъ такъ дожили! Вотъ тебѣ разъ! Да гдѣ-жъ это Докучай? я его съ вечера еще не видалъ! Пойду посвищу на дворъ!

Жена начала уговаривать Ивана лечь спать, говорила что все обойдется и Ильичъ посовѣстится сдѣлать такое лихо.

Но Иванъ не легъ, онъ вышелъ на дворъ.

— Докучай, крикнулъ онъ, Докучай, на!

— На зовъ Ивана прибѣжали три собаки Хамелеона, но Докучай не являлся.

— Сюда! сюда! Докучай! Докучай! фью!.. фью!.. на! на! на! сюда! сюда!

Но Докучая все не было.

— Тфу ты пропасть! Вогъ эти проклятыя, всѣ три тутъ вертятся, а Докучая нѣтъ! Какъ запропастился все равно!

— Иванъ опять началъ звать. Докучай все не являлся.

— Какъ разъ отравилъ, проклятый! Охъ, чуетъ мое сердце, не миновалъ онъ рукъ Ильича!

Иванъ началъ трубить въ рогъ.

Ночь была неособенно темна; Иванъ вышелъ на улицу.

Недалеко отъ хаты, около колодца, у корыта увидалъ онъ Докучая безъ всякихъ признаковъ жизни.

Трудно описать то состояніе, въ которомъ находился Иванъ, увидѣвъ трупъ Докучая. Онъ плакалъ навзрыдъ какъ ребенокъ, припавъ лицомъ къ землѣ.

Докучаюшка мой! Докучаюшка мой! золотой мой Докучаюшка! Это онъ, онъ тебя погубилъ! онъ аспидъ! онъ, разбойникъ! онъ окаянный! кричалъ Иванъ, вставая и грозя кулаками въ ту сторону, гдѣ жилъ Ильичъ. Это онъ тебя отравилъ! Онъ! Вотъ этимъ... самымъ... какъ его... стригни насъ, чтоль... Ну, постой же ты, Ильичъ, я тебя стригну тоже ловко! Узнаешь ты Докучая! Узнаешь и Ивана!...

— Сюда! сюда! сюда! кликнулъ онъ собакъ Хамелеона.

Онъ вошелъ съ ними къ себѣ во дворъ и крѣпко заперъ ворота.

Иванъ не ошибался, называя Хамелеона убійцей Докучая. Возвратясь отъ Ивана поздно вечеромъ, злобный Хамелеонъ, на дворѣ своей квартиры, между своими собаками узналъ Докучая, который по привычкѣ часто заходилъ на дворъ Хамелеона, такъ какъ Иванъ и Хамелеонъ, охотясь всегда вмѣстѣ, пріучили и собакъ своихъ другъ къ другу. Хамелеонъ съ злорадствомъ посмотрѣлъ на Докучая и вошелъ къ себѣ въ комнату. Черезъ нѣсколько времени

онъ вышелъ неся въ одной рукѣ небольшой шарикъ изъ чернаго хлѣба, а въ другой арапникъ. Шарикъ съ злобнымъ смѣхомъ онъ далъ съѣсть Докучаю; потомъ схватилъ собаку за хвостъ, началъ хлестать арапникомъ, приговаривая: пошелъ вонъ! пошелъ вонъ! Пущенный Докучай какъ стрѣла бросился изъ двора на улицу. Хамелеонъ, спрятавшись за ворота, смотрѣлъ на убѣгающаго Докучая.

По окончаніи этого удовольствія, войдя къ себѣ въ комнату, Хамелеонъ легъ спать.

Но и ему не спалось.

„Завтра Иванъ увидитъ отравленнаго Докучая, вздумаетъ пожалуй мстить мнѣ!...—думалъ Хамелеонъ.—Но какими средствами?.... А вдругъ Иванъ тоже ему поотравитъ всѣхъ собакъ.

Коновалъ заволновался, вскочилъ съ постели и началъ ходить быстрыми шагами по комнатѣ.

— Однако глупо, право глупо все это я сдѣлалъ! Право глупо! И еще судиться хотѣлъ.

И коновалъ рѣшилъ, что самое лучшее будетъ:—забрать все свое движимое имущество и вмѣстѣ съ собаками, не откладывая рѣшенія на долгій срокъ, по добру по здорову поспѣшить поскорѣе убраться изъ хутора, а собакъ надо скорѣй взять въ комнату и не выпускать ихъ безъ себя никуда.

Съ такимъ рѣшеніемъ вышелъ онъ на дворъ и началъ звать собакъ.

—„Подземка! Подземка! Красило! Зябликъ! сюда! сюда! сюда!“

Но собаки не являлись. Напуганныя данной Докучаю поркой, собаки Хамелеона убѣжали сначала на огородъ, а съ огорода, по старой привычкѣ, на дворъ къ Ивану.

Хамелеонъ, догодавшись, гдѣ находятся его собаки, пошелъ за рогомъ, но воротился, вспомнивъ, что рогъ онъ отдалъ для починки мѣднику. Хамелеонъ началъ звать опять собакъ, но собаки не могли услышать его зова, такъ какъ онъ жилъ далеко отъ Ивана, на самомъ краю хутора, а сильный вѣтеръ относилъ его голосъ въ другую сторону.

Хамелеонъ хотѣлъ подойти поближе къ хатѣ Ивана, но въ это время послышались звуки рожка.

— Шабашъ! пропищалъ Хамелеонъ. Иванъ схватился своего Докучая.

Но вмѣсто злорадства Хамелеонъ впалъ въ страшное уныніе: онъ сталъ бояться, что Иванъ, найдя своего Докучая отравленнымъ и увидѣвъ его собакъ, всѣхъ ихъ поперебьетъ.

Долго стоялъ Хамелеонъ на одномъ мѣстѣ обдумывая что ему предпринять.

„А вотъ ловкая штука! сказалъ онъ. Стоить лишь выстрѣлить, какъ онѣ всѣ будутъ здѣсь.“

Онъ вбѣжалъ къ себѣ въ комнату за ружьемъ. Но злая судьба, кажется, нынче надъ нимъ просто подсмѣивалась. Ружья не оказалось въ комнатѣ; его взялъ хозяинъ квартиры и ушелъ съ нимъ на пасѣку. Хамелеонъ самъ иногда ему позволялъ брать ружье, но безъ позволенія хозяинъ квартиры прежде никогда его не бралъ. Видно злой судьбѣ нынче угодно было преслѣдовать Хамелеона.

Взбѣшеннымъ вышелъ онъ снова на дворъ и началъ звать собакъ, идя по направленію къ Ивановой хатѣ.

Вдругъ въ лѣсу, вправо отъ Ивановой хаты, раздались два выстрѣла, а вслѣдъ за ними - не то лай, не то визгъ собакъ.

Побилъ! Побилъ! Изъ ружья побилъ! крикнулъ Хамелеонъ, опускаясь на землю.

Въ отчаяніи и злобѣ билъ онъ кулаками о землю, и плевалъ во всѣ стороны, потомъ быстро вскочивъ съ земли и вбѣжавъ въ свою комнату, повалился въ изнеможеніи въ свою кровать, гдѣ пролежалъ до самаго утра, какъ холодами обезсиленная ящерица въ своей норѣ.—

Иванъ мрачно заряжалъ свою двустволку летками. Около него на сворѣ были привязаны всѣ три собаки Ильича.

— И ты этихъ собакъ въ отместку Ильичу хочешь перестрѣлять? побойся, Иванъ, Бога! развѣ ты такой безстыжій? говорила жена. Посмотри, онѣ смотрять на тебя и визжатъ, какъ будто вотъ вотъ ты сейчасъ пойдешь съ ними на охоту!

— Я самъ знаю, что мнѣ надо дѣлать, а жена мужу не укащица! сурово сказалъ Иванъ, надѣвая пистоны.

— Ну теперь пойдемте! обратился онъ къ собакамъ.

— Выйдя на огородъ, Иванъ черезъ него направился прямо въ лѣсъ. Жена осталась на крыльцѣ и смотрѣла въ ту сторону, куда пошелъ Иванъ.

Вдругъ въ той сторонѣ раздались два выстрѣла, а за ними послышался не то лай, не то визгъ собакъ. Жена испугавшись убѣжала въ хату. Эти же самые выстрѣлы, какъ мы видѣли, слышалъ и Хамелеонъ.

Возвратился Иванъ домой только къ утру и на сдѣланные ему женой упреки какъ то странно молчалъ. По дорогѣ онъ заходилъ къ Степановичу. Ему онъ разсказалъ объ несчастьи съ Докучаемъ и обо всемъ остальномъ. Старикъ былъ возмущенъ до глубины души.

Отъ Степановича Иванъ узналъ кое-что о потерянномъ узелкѣ. Степановичъ просилъ Ивана мимоходомъ зайдти къ Михайлѣ Бутыркину и къ Семену Чернову и просить ихъ придти къ нему, Ивану, нынче-же утромъ, куда и онъ, Степановичъ, также не замедлитъ явиться, управивъ скотину.

Михайло Бутыркинъ и Семенъ Черновъ были также охотниками, передъ которыми Степановичъ любилъ показать себя и похвалиться.

— Пусть они придутъ и знаніе получатъ о моей вліятельности на кобеля, сказалъ онъ.

Иванъ исполнилъ желаніе старика.

А теперь Иванъ сидѣлъ у себя въ хатѣ и завтракалъ. Онъ, казалось, немного повеселѣлъ, хотя по временамъ тяжело вздыхалъ.

— Ну, ничего, началъ онъ самъ съ собою, Богъ дастъ куплю себѣ Помыкая у Ларьки Разуя въ городѣ... двѣнадцать рублей проситъ... Кобель ничего ловкій, такой акуратный... Хоть Помыкай и не дойдетъ до Докучая, ну а ничего... и съ нимъ охотиться можно.

Вдругъ до слуха Ивана черезъ отворенное окно донеслись звуки рожка. Это трубилъ Хамелеонъ, пришедшій въ себя послѣ оцѣпененія и добывшій себѣ гдѣ то въ хуторѣ рожокъ.

Хамелеонъ надѣялся, что можетъ быть его собаки еще живы.

— Труби! Труби! аспидъ! А собакъ тебѣ твоихъ не видать! Труби! хоть лопни! а собакъ тебѣ не видать, какъ не видать тебѣ твоего поганаго затылка! сердился Иванъ, подсаживаясь ближе къ окну.

Звуки дѣлались все ближе и ближе и Иванъ увидѣлъ скоро на улицѣ самого Ильича.

— Вѣдь вотъ окаянный,—подумалъ Иванъ, и вѣдь не боится, что я ему ребра переломаю.

— Ильичъ приблизился и сталъ какъ разъ противъ окна, гдѣ сидѣлъ Иванъ. Иванъ, увидавъ Ильича, вскочилъ со скамейки, опрокинувъ нечаянно столъ съ горшкомъ и миской, за которымъ онъ только что завтракалъ; все это упало съ страшнымъ шумомъ на полъ.

Жена испуганно бросилась къ Ивану.

— Ваня! Ваня! что ты? что ты?

Иванъ стоялъ какъ смерть блѣдный противъ окна. Лицо его какъ то конвульсивно передергивало, руки дрожали и онъ съ трудомъ могъ проговорить: Вонъ онъ! Ильичъ!

Ильичъ никакъ не ожидалъ увидѣть Ивана. Ему сказали, что Иванъ ушелъ въ городъ, такъ какъ его видѣли по той дорогѣ около Степановича хаты. Ильичъ приблизился къ окну, чтобъ спросить у Прасковьи—не видала ли она его собакъ. Знай Ильичъ, что Иванъ дома, онъ не рѣшился бы на такой смѣлый поступокъ. Увидѣвъ Ивана, Ильичъ такъ испугался, что не могъ сдвинуться съ мѣста.

Увидавъ Ильича, Прасковья просила его уйдти, а Ивана—сѣсть и успокоиться...

— Нѣтъ! нѣтъ! пускай онъ мнѣ прежде скажетъ зачѣмъ онъ отравилъ моего Докучая? началъ говорить Иванъ, быстро овладѣвая собой.—Аспидъ ты! Аспидъ! Окаянный—вотъ кто ты?... Что тебѣ сдѣлалъ Докучай? А? Говори, дьяволъ ты! Говори! ты его отравилъ? Ты? Безстыжая твоя морда. У, окаянный!

И Иванъ показалъ ему два увѣсистыхъ кулака.

Хамелеонъ началъ приходить въ себя и хотѣлъ было дать тягу, но Иванъ, замѣтивъ его желаніе, закричалъ ему.

Коли пришелъ, такъ стой и отвѣчай, а то выйду, такъ и слѣда твоего не останется! Разможжу, какъ муху! Говори, ты отравилъ „Докучая“?

— Про Докучая я ничего не знаю, заговорилъ слабымъ голосомъ, потупя въ землю глаза, Хамелеонъ, боясь смотрѣть на Ивана. Я шелъ узнать—нѣтъ ли здѣсь моихъ собакъ?

— Про Докучая ты не знаешь? Ну и я про твоихъ собакъ тоже не знаю!

Послѣдовало молчаніе. Хамелеонъ началъ оправляться отъ своего испуга. Теперь въ немъ злоба начали пересиливать страхъ. Ему было досадно и на Ивана, и на самого себя. Онъ рѣшился спросить у Ивана, не застрѣлилъ ли онъ его собакъ, такъ какъ вчера онъ слышалъ въ лѣсу два выстрѣла и визгъ.

— Да что съ тобой долго тутъ канитель вести, сказалъ Иванъ. Ты Докучая отравилъ, а я твоихъ собакъ Подземку и Красилу вчера ночью застрѣлилъ тѣми вотъ самыми выстрѣлами, что ты ночью слышалъ.

Коновалъ выслушалъ это извѣстіе, отразивъ на своемъ лицѣ сильнѣйшую злобу.

— Тфу ты, проклятый аспидъ,—подумалъ Иванъ, и ни одной же слезинки не проронилъ по собакамъ. Вотъ окаянный аспидъ какой!

— Зяблика не убилъ, продолжалъ Иванъ! Зябликъ живъ, но ты его нигдѣ не найдешь и не владѣть тебѣ имъ, пока ты мнѣ не заплатишь двѣнадцати рублей за Докучая. Слѣдовало бы съ тебя взять дороже, да я не хочу разживаться твоими деньгами и беру съ тебя эти деньги только потому, что хочу себѣ купить другую собаку, за которую какъ разъ столько же и просятъ. Согласенъ—вынимай деньги, а нѣтъ — Зяблика завтра застрѣлю и къ тебѣ на ворота повѣшу всѣхъ трехъ. Подумай, Ильичъ, выкупить Зяблика за 12 рублей для тебя есть разсчетъ. Вѣдь за него тебѣ въ городѣ предлагали 30 рублей и дня два тому назадъ опять у меня спрашивали, не согласенъ ли ты будешь его отдать за эту цѣну.

Хамелеонъ увидалъ, что его ловко прижали къ стѣнѣ:

ни взадъ, ни впередъ, ни въ бокъ—никуда не было выхода. Онъ злился, бѣсился тихо, про себя.

— Послушай, Иванъ, сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья:—если ты мнѣ отдашь Зяблика, я съ тобой судиться не буду за потерянное сукно. Ты объ этомъ тоже подумай. Зяблика тебѣ есть разсчетъ мнѣ отдать безъ выкупа, вѣдь съ тебя могутъ взыскать по суду тридцать рублей.

И Хамелеонъ бросилъ побѣдоносный взглядъ на Ивана.

Иванъ вмѣсто отвѣта громко захохоталъ; въ эту минуту онъ вспомнилъ сказанное ему Степановичемъ нѣчто о потерянномъ узелкѣ.

Хамелеонъ совершенно растерялся отъ этого смѣха. Онъ сдѣлалъ заключеніе, что у Ивана есть какое-нибудь серіозное основаніе теперь болѣе не бояться его угрозъ съ нимъ судиться; а потому, увидѣвъ, что и эта послѣдняя лазейка для него закрыта, принужденъ былъ согласиться на предложенное условіе.

— А коли согласенъ, вынимай деньги! —сказалъ Иванъ.

— А Зябликъ гдѣ-жъ!

— Ты давай только деньги, а Зябликъ будетъ тебѣ ужъ доставленъ, не безпокойся!

— Хамелеонъ вынулъ деньги.

— А ты не обманешь, Иванъ, спросилъ онъ, передавая деньги.

— Вотъ тебѣ крестъ святой, сказалъ Иванъ, осѣняя себя крестомъ и принимая деньги.—„Сережа, пойди сюда!“ и онъ что-то шепнулъ сынку.

Сережа взялъ свору, сѣлъ верхомъ и поскакалъ во весь карьеръ на каурой кобылкѣ.

— А ты Ильичъ, посиди на заваленкѣ и подожди пока приведетъ Сережа Зяблика.

Все это объясненіе и уплата денегъ, конечно, происходили безъ свидѣтелей.

Хамелеонъ усѣлся на заваленку, а Иванъ посматривалъ въ окно. Обоимъ не хотѣлось и противно было говорить другъ съ другомъ.

На улицѣ показались съ одной стороны Михайло Бу-

тыркинъ и Семенъ Черновъ, съ другой стороны шелъ Степановичъ съ неизмѣннымъ своимъ „Трезоромъ“.

Михайло и Семенъ знали уже о случившемся несчастіи съ Сережей, хотя имъ ничего не говорилъ объ этомъ Иванъ. Въ деревнѣ, или въ хуторѣ, съ поразительной быстротой узнаются всѣ новости, несмотря на то, что тамъ нѣтъ ни почты, ни телеграфа. Пойдетъ какая-нибудь баба за водой, ей встрѣтится ея кума; баба разскажетъ кумѣ, кума куму, кумъ другой кумѣ и черезъ часъ вся деревня знаетъ все происшествіе со всѣми подробностями и еще различными отъ себя прибавленіями.

Степановичъ спѣшилъ что есть мочи.

Подойдя къ окну, онъ поднялъ надъ головой какой-то узелокъ и радостнымъ голосомъ закричалъ:

— Отысканіе разсѣянности младенчества!

По скатерти, въ которой было завернуто содержимое въ узелкѣ, Хамелеонъ узналъ потерянное Сережей свое сукно, чему былъ весьма обрадованъ. Видно, посмѣявшись надъ Хамелеономъ, судьба на этотъ разъ была къ нему милостивѣе.

Иванъ вышелъ къ Степановичу изъ хаты на улицу. Прасковья съ радостью кинулась къ нему же. Михайло, Семенъ и Хамелеонъ также были около него.

Степановичъ, стоя посреди нихъ съ торжествующимъ видомъ, разсказывалъ, какъ вчера, выйдя отъ Ивана, онъ пошелъ на квартиру къ Ильичу, гдѣ, не заставъ его, попросилъ хозяйку квартиры дать ему носовой платокъ Ильича. Хозяйка немало удивилась такой просьбѣ, но все-таки полѣзла въ карманъ поддевки Ильича, вынула и отдала ему вотъ этотъ самый платокъ, съ которымъ онъ, Степановичъ, отъ нечего дѣлать отправился нынче чуть свѣтъ по той дорогѣ, гдѣ вчера ѣхалъ Сережа.

Всѣ слушали съ большимъ любопытствомъ. Только Иванъ не выражалъ къ этому разсказу большого любопытства, и немудрено: ему пришлось этотъ разсказъ слушать ужъ чуть-ли не въ пятый разъ, такъ какъ мы знаемъ, что при возвращеніи нынче къ себѣ домой Иванъ видѣлся со Степановичемъ, который, на радостяхъ, не по-

забылъ нѣсколько разъ подъ-рядъ угостить Ивана этимъ разсказомъ.

Заинтересовавъ въ высшей степени своихъ слушателей, Степановичъ продолжалъ разсказывать, какъ онъ, выйдя на дорогу, далъ платокъ этотъ понюхать Трезору, сказавъ ему: „Потерялъ! Шершъ!“ Трезоръ опрометью бросился по дорогѣ. Не прошло и четверти часа, какъ Трезоръ громко залаялъ. Степановичъ подумалъ, что Трезоръ на этотъ разъ задурилъ: сталъ ежиками заниматься; но, прибавивъ шагу, увидалъ, что Трезоръ возится въ канавѣ надъ чѣмъ-то бѣлымъ и никакъ этого бѣлаго не можетъ вытащить изъ канавы. Степановичъ узналъ, что это былъ тотъ узелокъ, который вчера потерялъ Сережа.

Разсказавъ эту исторію, Степановичъ подозвалъ къ себѣ кутаго Трезора и поцѣловалъ его при всѣхъ въ слюнявую морду, сказавъ при этомъ: „Вотъ что значитъ, къ примѣру, вліятельность на кобеля!“ — А Хамелеону съ нѣкоторымъ презрѣніемъ вручилъ узелокъ съ его платкомъ.

Хамелеонъ началъ благодарить Степановича въ самыхъ изящныхъ словахъ, какія только могъ имѣть его коновальскій лексиконъ; но Степановичъ съ тѣмъ же презрѣніемъ отвѣчалъ на его любезную благодарность.

— Вотъ спасибо тебѣ, Степановичъ, — сказалъ Иванъ, — вотъ ужъ разуважилъ, такъ разуважилъ этой самой находкой. Ты съ меня какъ тяжелый камень снялъ.

— Знаніе имѣемъ ужъ давно объ ощутительности душъ, къ примѣру сказать, къ безпокойствіямъ всякимъ, — сказалъ Степановичъ, дружелюбно ударивъ рукой Ивана по плечу.

А Михайло и Семенъ продолжали глубокомысленно о чемъ-то думать, вѣроятно о вліятельности на кобеля, а можетъ быть и объ томъ, что недурно бы было теперь вмѣстѣ съ этой компаніей выпить малую толику и закусить яичницей или блинками. Михайло и Семенъ ходили когда то сельскими старостами, а потому всякое собраніе у нихъ всегда возбуждало по старой привычкѣ жажду къ вышивкѣ. Потому у Михайла носъ былъ сине-красный, какъ

у любого дикаря голубя перья, а у Семена носъ былъ похожъ на перезрѣлую сливу, которая вотъ-вотъ свалится съ дерева, если не съѣстъ скворецъ или не уберетъ садовникъ.

Хамелеонъ со своимъ узелкомъ опять усѣлся на завалину въ ожиданіи своего Зяблика.

По дорогѣ показался Сережа. Каково же было удивленіе коновала, когда вмѣсто ожидаемаго одного только Зяблика, онъ на сворѣ у Сережи увидалъ всѣхъ трехъ своихъ собакъ. Съ недоумѣніемъ смотрѣлъ Хамелеонъ на своихъ собакъ. Онъ никакъ не ожидалъ такого сюрприза. Онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что Иванъ убилъ двухъ его собакъ, оставивъ въ живыхъ одного только Зяблика.

Хамелеонъ былъ пораженъ великодушнымъ поступкомъ Ивана. Онъ взялъ своихъ собакъ и тихо побрелъ домой, никому не сказавъ ни слова.

Идя домой и думая о великодушномъ поступкѣ Ивана и добротѣ Степановича, Хамелеонъ сталъ ощущать невѣдомое ему до сихъ поръ, какое-то новое чувство раскаянія и желанія сдѣлаться лучше.

Жена Ивана была очень обрадована, увидавъ живыми всѣхъ трехъ собакъ Хамелеона.—Слава Богу, говорила она, Ваня мой оказался не такимъ безстыжимъ, какъ Ильичъ.

Сережѣ все разсказали о находкѣ узелка.

— Ишъ ты! Вѣдь какъ разъ въ этомъ мѣстѣ испугалась Каурка и метнулась въ сторону, а онъ, значитъ, тутъ и выскочилъ, объяснилъ Сережа.

– А гдѣ же это были спрятаны собаки? спросила Прасковья тихо у Ивана.

— На пасѣкѣ, въ погребѣ у дяди Никифора, отвѣтилъ Иванъ ей на ухо.

— А кто же это стрѣлялъ тогда?

— Это я выстрѣлилъ по зайцу. Какъ разъ косой набѣжалъ на меня; ну не выдержалъ и выстрѣлилъ, да изъ обоихъ стволовъ далъ маху; неловко было за собаками. Заяцъ бѣжалъ близко. Собаки его увидѣли да и начали послѣ выстрѣловъ визжать, лаять и рваться; насилу ихъ удержалъ на сворѣ.

— А насчетъ смертоносности Докучая, сказалъ Степанычъ, обращаясь къ Ивану и отходя отъ Семена и Михайлы, съ которыми говорилъ о вліятельности на кобеля, прошеніе къ тебѣ буду имѣть—тоскливость бросить и ускорительно купи себѣ Помыкая! Кобель резонный.

— Насчетъ Докучая тебѣ Степановичъ скажу, что такой собаки не скоро сыщешь. Ну, что дѣлать – не оживишь. А Помыкая возьму! Онъ кобель ловкій! Такой аккуратный! завтра поѣду за нимъ въ городъ. Непремѣнно куплю.

— Ну вотъ и надо обновку взбрызнуть! сказалъ Михайло, у котораго, при воспоминаніи объ этомъ идеальномъ взбрызгиваніи, какъ у куцаго Трезора изо рта текли слюни.

— Безпремѣнно надо! Безпремѣнно надо! заговорилъ Семенъ. А какъ же—купить, да не взбрызнуть?

— Да вѣдь еще не купили! заговорила жена Ивана, а только завтра Иванъ поѣдетъ еще покупать.

— Ну это все равно! все равно! не нынче такъ завтра, всѣ заговорили мужички въ одинъ голосъ.

— Ну пожалуйте, пожалуйте, дорогіе гости, сказалъ Иванъ, приглащая гостей въ хату.

— Ну, извольте, извольте жаловать, подхватила жена, отворяя двери хаты, куда не замедлила войти вся компанія.

Сережа сейчасъ-же былъ посланъ на каурой кобылкѣ за водкой.

Черезъ часъ послѣ всего описаннаго, изъ хутора выѣзжала телѣга, запряженная парой лошадокъ. На телѣгѣ сидѣлъ Хамелеонъ, а сзади телѣги бѣжали его собаки.

Онъ навсегда покидалъ хуторъ.

Лаврентій Лаврухa.